

DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-527-546

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

О.В. Панкова

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123242, Москва, Россия, Садовая-Кудринская, 9

В статье раскрываются сущностные характеристики правосудия как специфического вида государственной деятельности, выявляются основные признаки правосудия, отличающие его, с одной стороны, от иных видов государственной деятельности, а с другой, — от иных видов судебной деятельности.

Цель настоящей статьи состоит в анализе особенностей правосудия в его современном понимании. Многосторонность данной правовой категории как амбивалентной дефиниции находит отражение в ее различных характеристиках, посредством рассмотрения которых в работе формулируется наиболее общее определение правосудия.

Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись теоретические, общеправовые (диалектика, системный метод, анализ, синтез, дедукция), традиционные правовые методы (формально-логический).

Обращаясь к вопросу о признаках правосудия, автор затрагивает проблему его широкого и узкого понимания, обусловленного повышением роли посредничества, примирения и третейского разбирательства в качестве альтернативных форм разрешения правовых конфликтов, а также в связи с наделением отдельных государственных органов юрисдикционными полномочиями, и делает вывод о том, что, в отличие от ряда зарубежных стран, правосудие в России может осуществляться только государственными судами.

Значительный интерес представляет также исследование предметной области правосудия, которая связана с ситуацией правового конфликта. В данном контексте вполне правомерен проведенный автором анализ понятия «правовой конфликт» и предложенная им дифференциация таких конфликтов на виды с последующим рассмотрением каждого из них.

В условиях формирования новой российской государственности иное звучание приобрел арбитражный признак правосудия, который в работе рассматривается с позиций особой юрисдикционной процессуальной активности суда и ситуационности правосудия.

Произошедшие с начала современной судебной реформы объективные изменения в деятельности судов, связанные с появлением упрощенных и приказных производств, упростивших процедуру рассмотрения и разрешения отдельных категорий административных и гражданских дел, а также наделение юрисдикционными полномочиями иных государственных органов, которые не входят в систему судебной власти, но используют квазисудебные процедуры, существенно изменили отношение к процессуальной форме осуществления правосудия, которая утратила свою былую значимость. В связи с этим автор обосновывает точку зрения о том, что ныне для того, чтобы определить качественную природу юрисдикционных органов, необходимо выявить, в частности, отличительные признаки в каждой из процессуальных форм.

Раскрывая более подробно содержание способов и средств осуществления правосудия, автор затрагивает проблему соотношения данной правовой категории со справедливостью и на основе анализа различных точек зрения приходит к выводу о том, что справедливость — это скорее внутреннее свойство правосудия, способствующее восприятию его в качестве социально-правовой ценности.

В качестве одного из важнейших признаков правосудия в работе рассматривается государственно-властный характер и общеобязательность судебных решений, исполнение которых предполагает подавление воли (свободы) или материальные лишения одной из сторон с использованием в определенных случаях власти и силы государства. В связи с этим определенное внимание уделяется характеристике общеобязательности судебного решения как одного из его неперменных свойств.

Исследовав правосудие в качестве категории, позволяющей раскрыть содержание и юридическое существо этого вида государственной деятельности, в работе дается определение данного понятия в одной универсальной дефиниции.

Ключевые слова: правосудие, судебная власть, судопроизводство, третейский суд, правовой конфликт, спор, особое производство, справедливость, арбитражность, общеобязательность решения, государственное принуждение

I. ВВЕДЕНИЕ

Огромное влияние на формирование научных воззрений на правосудие в его современном понимании оказало принятие в 1991 г. Концепции судебной реформы¹, призванной обеспечить создание сильной и независимой судебной власти на основе конституционного принципа разделения властей, а затем — Конституции РФ 1993 г., провозгласившей идею формирования правового государства и объявившей правосудие одним из важнейших средств защиты прав и свобод человека и гражданина. Это дало представителям правовой науки пищу для плодотворной теоретической работы, побуждая их к определению новых подходов к задачам и содержанию правосудия, отвечающим общим тенденциям развития представлений о месте и роли суда в государстве. В последние годы существенные шаги в этом направлении были сделаны как в плане общей теории права, так и в плане специальных юридических наук — прежде всего, конституционного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального права.

Тем не менее, вопрос об общем понятии и признаках правосудия до сих пор остается дискуссионным. Во многом это обусловлено тем, что, несмотря на активное использование термина «правосудие» в российских нормативных правовых актах, его значение в них не раскрывается. Например, ст. 118 Конституции РФ содержит всего лишь одну краткую формулу: «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Однако чтобы понять, какой юридический смысл вкладывает в этот термин законодатель, необходимо проанализировать целый ряд конституционных норм, закрепляющих базовые судоустройственные и судопроизводственные принципы, в которых правосудие

¹ Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

находит свое отражение. Впрочем, такой подход к определению правосудия характерен не только для российской Конституции. Он встречается в конституциях многих зарубежных государств, например Австралии, принятой 9 июля 1900 г., Австрии от 10 ноября 1920 г., Белоруссии от 24 ноября 1996 г., Бельгии от 17 февраля 1994 г., Китая от 4 декабря 1982 г., Норвегии от 17 мая 1814 г., Турции от 7 ноября 1982 г., Франции от 4 октября 1958 г., Швейцарии от 18 апреля 1999 г. Во всех конституциях этих стран есть специальные разделы, посвященные судебной власти, в которых вопросы дефинирования правосудия не рассматриваются либо не регулируются, но содержатся нормы, посвященные организации системы судов, порядку назначения или избрания судей, судопроизводству и отдельным процессуальным правам личности.

Правосудие в них понимается «как нечто очевидное и не влекущее отдельной конституционной регламентации требование» (Lebedev, V.M., Nabrieva, 2017:354). В российском же праве эта недоработка законодателя компенсируется огромным количеством определений данной правовой категории в научных исследованиях, в которых понятие «правосудие» наполняется конкретным содержанием.

Исследуя правосудие в качестве категории, позволяющей раскрыть объем, содержание и юридическое существо этого вида государственной деятельности, тем не менее, необходимо подчеркнуть объективную сложность определения данного понятия в одной универсальной дефиниции.

В связи с этим целесообразно использовать иной подход, остановившись сначала на признаках правосудия, позволяющих отличить его, с одной стороны, от иных видов государственной деятельности, а с другой — от иной деятельности суда.

II. ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИЗНАКА «ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ»

Субъектом правосудия может быть только суд, причем суд не любой, а лишь государственный (п. 1 ст. 118 Конституции РФ). Это означает, что никакие иные государственные органы и негосударственные организации осуществлять правосудие не вправе. «Судебная власть обладает монополией на данный вид деятельности. Тем самым установлен конституционный запрет на какое-либо перераспределение властных полномочий судебных органов» (Kosolapov, 2001:12).

Надо сказать, что до недавнего времени взгляд на правосудие как на специфический вид деятельности государственных и только государственных органов судебной власти разделялся всеми авторами, которые затрагивали в своих работах вопрос о понятии правосудия. Но в последние годы, в связи с повышением роли посредничества, примирения и третейского разбирательства в качестве альтернативных форм разрешения правовых конфликтов, а также в связи

с наделением отдельных государственных органов, например Высшей патентной палаты Роспатента, комиссий по рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства и органов судейского сообщества (квалификационных коллегий судей) юрисдикционными полномочиями и установлением для них специальных процедур рассмотрения споров, максимально приближенных к судебным, в юридической литературе было высказано мнение о том, что под правосудием в широком смысле необходимо понимать два его вида: государственное и альтернативное (негосударственное). Например, М.И. Клеандров предлагает выделять широкое понимание экономического правосудия, осуществляемого государственными арбитражными судами и третейскими (негосударственными) судами, и узкое — осуществляемого только государственными судами (Kleandrov, 2006:183–207).

С нашей точки зрения, такой подход не вполне оправдан, так как он ведет к смешению категорий и понятий, неравнозначных по своему содержанию. Более того, следуя логике автора, необходимо будет признать возможность выделения широкого и узкого понимания в отношении всех видов правосудия, в частности, по делам об административных правонарушениях. Однако, рассуждая таким образом, мы приходим к явно абсурдному выводу о том, что деятельность несудебных органов по рассмотрению административно-деликтных дел также является правосудием, а их юрисдикционные полномочия — полномочиями судебной власти. Хотя здесь следует отметить, что если в условиях нашей страны подобный вывод легко опровергается уже одной ссылкой на положение п. 1 ст. 118 Конституции РФ, то многие основные законы зарубежных стран, напротив, допускают отправление правосудия квазисудебными и иными учреждениями, не входящими в судебную систему страны. Соответствующие нормы есть, например, в Конституциях Нидерландов от 17 февраля 1983 г., Португалии от 19 марта 1933 г., Эквадора от 21 октября 2008 г. Скажем, в Конституции Эквадора закреплено, что «власти коренных народов отправляют правосудие, применяя собственные нормы и процедуры для разрешения конфликтов в сообществе по своим обычаям или обычному праву» (ст. 191).

Говоря же о российском законодательстве, важно подчеркнуть, что оно, допуская отправление правосудия исключительно государственным судом, рассматривает его не только как коллегиальную деятельность специального субъекта. Как известно, от коллегиальности как безусловного принципа правосудия, законодатель отказался в пользу расширения единоличного начала. В результате этого правосудие все больше осуществляется представителями власти — судьями — единолично, что, в принципе, соответствует новому представлению об организации судопроизводства.

III. ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ПРАВОСУДИЯ

Предметная область правосудия отличается тем, что она, во-первых, находится в сфере применения права. Во-вторых, она не ограничена специализированной областью общественных отношений и связана с ситуацией правового конфликта, в основе которого могут лежать различные категории общественных отношений. По сути дела, любой конфликт, имеющий правовой характер, может оказаться в сфере осуществления правосудия. Эта особенность правосудия наиболее ярко проявляет себя в сравнении с государственным управлением, отличительным признаком которого является строго определенное ограничение сферы общественной жизни, на которую распространяется деятельность его органов, в том числе тех, которые реализуют юрисдикционные полномочия и решают вопросы применения мер административной ответственности.

Здесь, как представляется, необходимо более подробно остановиться на понятии правового конфликта. К сожалению, учение о юридическом конфликте, теоретические основы которого были заложены в отечественной доктрине в 90-х годах XX века, не получило еще окончательного концептуального оформления. В научной литературе до сих пор существуют различные подходы к определению данного понятия. Однако все имеющиеся трактовки в целом сходятся на мысли о том, что юридический конфликт — это всегда определенное противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм (Kudriavtsev, 1997, LXVII:126; Hudoikina, 2002:24; Luparev, 2003:10; Zelentsov, 2001:26).

Одна из самых удачных формулировок юридического конфликта дана В.Н. Кудрявцевым, предложившим в качестве юридического рассматривать «любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями и состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а сам конфликт влечет юридические последствия» (Kudriavtsev, 1995:15).

К сказанному следует добавить, что юридический конфликт означает противоборство, имеющее не только негативное, но и позитивное значение. На это справедливо обращает внимание Ю.И. Гревцов, отмечая, что в современной литературе термин «конфликт» употребляется для обозначения любой ситуации противостояния, столкновения сторон (Grevtsov, 2001:196; Zelentsov, 2005:52).

Итак, в основе юридического конфликта может лежать различное понимание (толкование), несоблюдение либо нарушение абсолютно любой нормы права: уполномочивающей, обязывающей или запрещающей.

Понятие «правовой конфликт», используемое для характеристики предметной области правосудия, необходимо отграничивать от категорий «правовой спор» и «правонарушение», которые в современной юридической литературе не всегда различаются. Например, одни авторы называют отношения, возникаю-

щие в связи с фактом совершения правонарушения, юридическим конфликтом или правовым спором, и эти понятия рассматриваются как равнозначные (Riabtseva, 2008). Другие авторы сводят понимание конфликта в правовой сфере исключительно к правонарушениям (Nazhimov, 1970:10), либо определяют правонарушение через понятие «конфликт» (Iacelenko, 1996:153), или рассматривают конфликт как исключительно противоправное деяние (Tihomirov, 2005:598). Есть также мнение, что правонарушение не является юридическим конфликтом, так как предшествует ему.

В данном контексте наглядна и убедительна позиция одного из ведущих специалистов в области правовых конфликтов А.Б. Зеленцова, который подробно аргументировал точку зрения о том, что правовой спор и правонарушение являются самостоятельными формами правового конфликта. «Правовой конфликт, — пишет А.Б. Зеленцов, — является родовым понятием, в содержание которого входят понятия спора о праве и правонарушения» (Zelentsov, 2005:62–63). При этом спор о праве автор определяет как «правовой конфликт, имеющий своими субъектами стороны спорного материального правоотношения и возникающий в связи с несоблюдением правил, установленных правовыми нормами, нарушением одной стороной субъективных прав другой стороны и отсутствием у них намерений восстановить их в добровольном порядке» (Zelentsov, 2005:62-63). По мнению ученого, спор о праве отличается от правонарушения наличием особой юридической процедуры его разрешения, а правонарушение от спора — противоправностью (Zelentsov, 2004:431).

Очевидно, что правовые конфликты, разрешаемые судом, многообразны и неисчерпаемы, в силу чего любая их классификация будет неизбежно носить в известной степени схематичный характер. Однако все они могут быть условно сведены к трем группам: гражданско-правовые, уголовно-правовые и административно-правовые. Причем в реальной действительности подобные конфликты возникают как в связи с материально-правовыми, так и в связи с процессуально-правовыми отношениями, выделение которых имеет наиболее общий характер. Так, к материально-правовым конфликтам относятся:

– правонарушения (уголовные и административные), при разрешении которых суд устанавливает наличие или отсутствие противоправного деяния, виновность лица, привлекаемого к ответственности, или, наоборот, его невиновность, и определяет для этого лица юридические последствия в виде назначения наказания либо освобождения от ответственности;

– правовые споры (гражданско-правовые и публично-правовые), при разрешении которых суд признает или отвергает наличие определенных правоотношений между сторонами, определяя юридические последствия, которые должны наступить для гражданского или административного истца и ответчика, либо устанавливает наличие или отсутствие юридически значимого факта или события, создавая тем самым лицу, обратившемуся в суд, необходимые юридические предпосылки для реализации его личных или имущественных прав,

или же отказывая ему в создании таких предпосылок, ввиду отсутствия для этого надлежащих оснований, либо обеспечивает юрисдикционную проверку нормативных правовых актов органов государственной власти, иных государственных органов и организаций, наделенных нормотворческими полномочиями, либо правомерности административных решений и действий (бездействия) административных органов, либо осуществляет судебное санкционирование, принимая решение о применении тех или иных мер принуждения, или о производстве определенных следственных или административных действий.

Процессуально-правовые конфликты возникают тогда, когда в ходе производства по делу сталкиваются противоречивые интересы отдельных субъектов процессуальной деятельности. Подобные конфликты становятся правовыми в силу того, что требуется объективная необходимость в их процессуальном разрешении. Типичным примером такого конфликта может служить проверка вышестоящей судебной инстанцией решений, принятых нижестоящим судом, и их отмена или изменение. К этой же группе конфликтов относятся все ситуации, когда принятое судом промежуточное процессуальное решение по делу способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участников процесса, создав препятствие для дальнейшего движения дела. Характерно, что в этом случае только волеизъявление субъекта нарушенного права вводит конкретный правовой конфликт в сферу правосудия. При этом законодатель устанавливает лишь общее право на обжалование соответствующего решения.

Правда, здесь не исключены ситуации, когда такого рода решения порождают правовой конфликт, возможность и порядок разрешения которого законом не предусмотрена. Подобные нестандартные ситуации, на наш взгляд, также должны включаться в сферу предметной области правосудия поскольку, в силу положений ст. 46 Конституции РФ о гарантированности судебной защиты прав и свобод каждого, именно суд наделяется Конституцией РФ полномочиями по разрешению всех правовых конфликтов, и он не может отказать в судебной защите даже при обстоятельствах, когда законодатель не устанавливает порядка рассмотрения тех или иных дел, например, при пробеле в процессуальном праве.

Конечно, изложенные ранее позиции, содержащие характеристику предметной области правосудия, достаточно аргументированы законодательством и позволяют сделать вывод о том, что правосудие охватывает все категории дел, возникающие из социальных противоречий и подлежащих судебному разрешению.

Вместе с тем исторически сложилось так, что российское законодательство предусматривает определенный перечень случаев, когда суды разрешают дела, предполагающие отсутствие спора о праве или правонарушения. Системообразующим фактором таких дел является их направленность не на устранение, а на предотвращение правового конфликта, а за ним и спора о праве, который может возникнуть в будущем. Речь идет о делах особого производства, предусмотренных ГПК РФ, при разрешении которых происходит установление

юридических или доказательственных фактов и состояний с целью защиты законных интересов граждан. При рассмотрении этой категории дел суд по существу разрешает спор о факте, предметом которого является устанавливаемое им правовое событие или действие (Treushnikov, 2014).

В отечественной науке гражданского процесса данное положение сомнений не вызывает и не оспаривается. Однако имеются разногласия, касающиеся юридической природы деятельности суда по таким делам: одни авторы рассматривают ее как форму реализации правосудия в гражданском судопроизводстве, другие же относят ее к судебному администрированию или управлению (Argunov, 2017).

На наш взгляд, выведение подобных дел за рамки правосудия вряд ли правомерно, так как судья, если он выступает именно как судья, как представитель судебной власти, не может выполнять чего-либо, лежащего за пределами данной функции. И мы не можем это не учитывать, особенно сейчас, когда обсуждается возможность расширения границ особого производства и его существование в рамках не только ГПК РФ, но и в КАС РФ. По крайней мере, именно об этом свидетельствует подготовленный Верховным Судом РФ проект закона о внесении изменений в КАС, в соответствии с которым в данный Кодекс предполагается ввести отдельный подраздел У.1, регламентирующий порядок разрешения дел особого производства, к которым предлагается отнести дела: о признании информационных материалов экстремистскими; о признании информации запрещенной к распространению на территории РФ; о восстановлении утраченного судебного производства; о признании, приведении в исполнение решений иностранных судов по административным делам, если признание (приведение в исполнение) таких решений предусмотрено международным договором РФ, федеральным законом.

IV. АРБИТРАЖНЫЙ ХАРАКТЕР ПРАВОСУДИЯ

Правосудие носит арбитражный характер, в силу которого суд как разрешающий конфликт посредник должен быть нейтрален по отношению к его сторонам. Главное, в чем в наибольшей степени проявляется этот признак, выражается в особой юрисдикционной процессуальной активности суда, которая состоит в том, что суд не вправе рассматривать и разрешать правовые конфликты по своей инициативе. Это особенно важно подчеркнуть, если учесть, что еще сравнительно недавно суды были наделены правом возбуждать входившие в их компетенцию дела в сфере конституционного и уголовного судопроизводства.

Границы активности суда в рамках каждого конкретного процесса определены в ряде нормативных положений, которые устанавливают начала равноправия и состязательности сторон, столь характерные для разбирательства частноправовых споров, и, наконец, нашедшие свое место при рассмотрении

споров, возникающих из публично-правовых отношений, уголовных и административно-деликтных дел.

Еще один аспект арбитражной природы правосудия состоит в его ситуационности, которая выражается в отсутствии у суда какого-либо постоянного непрерывного поля деятельности. Особенно наглядно эта особенность правосудия проявляется в сравнении с государственным управлением, включая ту его часть, которая охватывает юрисдикционную деятельность административных органов по применению мер административной ответственности. Так, раскрывая признаки государственного управления, Ю.Н. Старилов указывает на то, что оно осуществляется непрерывно, постоянно и планомерно (Bahrah, Rossinsky, Starilov, 2004:33), тогда как правосудие осуществляется только после того, как состоится акт процессуального обращения к органу судебной власти за разрешением правового конфликта.

V. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Правосудие осуществляется в особой процессуальной форме, в которой определены стадии судопроизводства, последовательность совершаемых в их рамках процессуальных действий и процессуальные функции участников процесса. В целом, эти общие свойства процессуальной формы характерны для всех судебных процессов — конституционного, гражданского, уголовного и административного.

Правда, здесь есть основания и для некоторых оговорок, которые, на наш взгляд, имеют существенное значение для определения перспектив развития правосудия. Дело в том, что по некоторым категориям дел, например, по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного и приказного производств, предусмотренных КАС РФ и ГПК РФ, процесс применения судом норм права лишен таких свойств и не обладает той степенью детализации, которая исконно признается атрибутом процессуальной формы отправления правосудия. В частности, открытое судебное разбирательство по таким делам не проводится, итоговые судебные решения выносятся вне судебного заседания, и порядок их вынесения в законе не регламентирован. Фактически, лицо обращается в суд за правосудием — и практически сразу оно осуществляется. Неслучайно многими представителями правовой науки подобные формы производства вообще не признаются правосудием (Petruhin, 2003:648-682, Voronov, 2007; Sahnova, 2008; Gromoshina, 2010:13).

Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, отметим лишь, что, с нашей точки зрения, и в упрощенном, и в приказном производстве правосудие осуществляется, так как в них соблюдается процессуальная форма, хотя она и обладает некоторым своеобразием. Весьма вероятно, такой же логики придерживается и отечественный законодатель, поскольку постепенно признавая, что в приказном производстве осуществляется правосудие, и расширяя границы

упрощенного производства, он, безусловно, добивается того, чтобы правосудие становилось максимально скорым и упрощенным.

Другой вопрос, что в свете основных тенденций реформирования процессуального законодательства тезис о том, что именно процессуальная форма правосудия отличает его от деятельности любых других государственных органов, долгое время сохранявший свою актуальность, может быть поставлен под сомнение. Думается, права Н.М. Чепурнова, заметившая, что сущность правосудия нельзя свести только к процессуальной форме. Как справедливо указывает автор, наличие процессуальной формы позволяет отнести суд к числу правоприменительных органов, но не отличает один правоприменительный орган от другого (Chernova, 1999:232).

Это особенно важно подчеркнуть, поскольку в процессуальной форме может осуществляться не только деятельность суда по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов, но и юрисдикционная деятельность иных государственных органов, которые не входят в систему судебной власти, но используют квазисудебные процедуры, т.е. почти судебные процедуры, максимально приближенные к ним.

Поэтому для того, чтобы определить качественную природу юрисдикционных органов, необходимо выявить, в частности, отличительные признаки в каждой из процессуальных форм.

VI. ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Правосудие осуществляется способами и средствами, которые призваны обеспечить рассмотрение судебных дел независимыми и беспристрастными судьями в соответствии с установленной подсудностью, а также вынесение справедливых и законных судебных решений.

Раскрывая более подробно содержание данного аспекта, нельзя оставить без внимания вопрос о соотношении правосудия со справедливостью.

Справедливость — это явление социально-нравственной сферы, неизбежно свойственное ей и характеризующее отношение человека к социальным ценностям. Оно не может быть выражено через его одномерное описание, что предопределяет существование в отечественной правовой доктрине целого ряда определений, претендующих на адекватную интерпретацию сущности и содержания справедливости.

Например, О.И. Рабцевич определяет справедливость в сфере права как:

- принцип юридической ответственности,
- принцип права,
- практический критерий правоприменительной деятельности,
- цель всего правотворческого и правоприменительного процесса

(Rabtsevich, 2005:16).

А.Т. Боннер подчеркивает, что при отправлении правосудия суд должен стремиться к достижению не исторической, социальной, моральной или какой-то еще, а исключительно правовой справедливости, которую он отождествляет с вынесением законного и обоснованного судебного постановления (Bonner, 2005:43).

Наиболее обстоятельно категория справедливости исследована в работе Л.А. Воскобитовой, которая рассматривает справедливость как качественную характеристику механизма реализации судебной власти. Под справедливостью судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве она понимает соблюдение совокупности процессуальных правил, необходимых для защиты прав человека при разрешении спора о его гражданских правах или при рассмотрении предъявленного ему обвинения, обеспечивающих надлежащую правовую процедуру при рассмотрении и разрешении судом уголовных дел и осуществлении им судебного контроля (Voskobitova, 2004:15).

Как видим, несмотря на различия во взглядах все авторы связывают правосудие со справедливостью. Однако вопрос о соотношении этих правовых категорий различными учеными решается неодинаково. Изучение научной литературы позволяет выделить три основных подхода к интерпретации такого соотношения. В рамках первого подхода правосудие отождествляется со справедливостью. Так, М.А. Фокина при исследовании целей доказывания в гражданском процессе приходит к выводу о единстве категорий «правосудие» и «справедливость»: «Справедливость и правосудие, — пишет она, — слова синонимы. Справедливость в области гражданского судопроизводства является составной частью социальной справедливости. Она является целью, принципом, движущей силой гражданско-процессуальной деятельности» (Fokina, 2006:26). Кстати, для сравнения отметим, что такого же мнения придерживаются многие зарубежные исследователи. Например, в иностранных словарных изданиях правосудие довольно часто определяется как качество быть справедливым, беспристрастным; как принцип или идеал, помогающий справедливо разрешать дела; как установление и определение прав согласно праву или праву справедливости либо как справедливое и надлежащее применение законов в соответствии с естественным правом, согласно которому ко всем лицам должно быть равное обращение без пристрастия².

Вместе с тем можно было бы привести массу примеров, когда вполне законные и обоснованные судебные решения вступают в противоречие с требованиями морали, которые дают нам представление о справедливости и несправедливости. В случае же противоречия между нормами морали и права суд вне всякого сомнения должен отдать предпочтение последним. Последовательное же проведение идеи о том, что правосудие является синонимом справедливости,

² Merriam-Webster's Dictionary. Режим доступа: <http://businessdictionary.com/definition/social-justice.htm>.

объективно может привести к противопоставлению права и морали и разрешению дел на основании требований морали, но вопреки закону, а в конечном счете — к отождествлению права с неправом, справедливостью.

Вполне убедительным в этой дискуссии следует признать и суждение С.Л. Дегтярева о том, что правосудие согласно Конституции РФ — прежде всего деятельность, в связи с чем рассматривать саму деятельность как справедливость не совсем логично. Как указывает автор, справедливость все-таки является оценочной, в какой-то степени внеправовой категорией (Degtiarev, 2008:193).

Похоже высказывается и Д.А. Фурсов, который, говоря о неравнозначности справедливости и правосудия, исходит из того, что правосудие представляет собой одну из государственных функций, деятельность уполномоченного на разрешение споров государственного органа, а не только один аспект такой деятельности (Fursov, 2006:59). И, наконец, с точки зрения этимологии понятия «правосудие» все-таки означает судопроизводство не по справедливости, а по праву (Lebedev, Habrieva, 2012).

Второй подход трактует справедливость как конституционный или конституционно-правовой принцип осуществления правосудия. Данный подход, в принципе, верен, если рассматривать правосудие как совокупность принципов, связанных с реализацией основных прав и свобод человека на современном этапе. В этом смысле справедливость приобретает значение правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования. Примечательно, что в таком же значении понятие «справедливость» используется в многочисленных решениях Конституционного Суда РФ, которые в той или иной мере апеллируют к этой категории³.

В международных правовых актах справедливость также рассматривается в качестве одного из принципов правосудия. Например, в Рекомендациях REC (2001)9 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам об альтернативах судебному разбирательству между административными органами и частными сторонами, принятых 5 сентября 2011 г., отмечено, что в широком смысле она определяется в качестве принципа, относящегося к идее правосудия, основанного на разуме, а не правосудия, основанного на законе. Однако в более узком смысле под справедливостью предлагается понимать поправку к писаному праву, когда применение последнего влечет явно несоразмерные

³ См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области»; от 05 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан».

последствия. Подчеркивается также, что справедливость может использоваться для восполнения пробелов в законодательстве и нормативных актах по конкретным делам, которые они не охватывают.

Представители третьего подхода называют справедливость целью правосудия. Например, по мнению П.П. Серкова, это положение аксиоматично и не нуждается в доказывании (Serkov, 2018:100). Вместе с тем подобное утверждение представляется излишне категоричным. Очевидно, правы те авторы, которые предлагают разделять соотношение правосудия и справедливости с точки зрения граждан как конечных «потребителей судебных услуг» и правоприменителей (Degtiarev, 2008:193). Ценность правосудия для гражданина состоит в защите прав и свобод, гарантированных государством. Поэтому в общественном правосознании правосудие действительно ассоциируется с категорией справедливости. Для правоприменителя же термины «правосудие» и «справедливость» далеко не всегда равнозначны; справедливость учитывается правом, она является элементом авторитетности и легитимности судебной власти и традиционно воспринимается в качестве правового принципа.

Следуя такой логике, справедливость можно считать целью правосудия лишь в той степени, в которой она способствует наиболее полной защите нарушенного права. Как образно отмечает Д.А. Фурсов, погоня за восстановлением справедливости на каждом шагу была бы неуместной, поскольку она может отвлекать от выяснения существа дела и не являться для его участников объективно принципиальной (Fursova, 2006:58).

Итак, правосудие и справедливость не могут рассматриваться как правовые явления, совпадающие полностью или частично. Справедливость — это скорее внутреннее свойство правосудия, способствующее восприятию его в качестве социально-правовой ценности.

Ценным дополнением к сказанному может служить представление о справедливости, сложившееся в практике Европейского Суда по правам человека, который понимает под ней результат выполнения стандартов правосудия (Cappelletti, Vigoriti, 1973:514; Oppetit, 1973:483) и обеспечение именно процессуальной справедливости всех процедур судебного разбирательства (Morshhakova, 2012:19)⁴.

⁴ См. также: Постановления Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1997 г. по делу «De Haes and Gijssels v. Belgium»; от 23 июня 1993 г. по делу «Ruiz-Mateos v. Spain»; от 19 марта 1997 г. по делу «Hornsby v. Greece». Более подробно об элементах права на справедливое судебное разбирательство в толковании Европейского суда по правам человека см.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 201–263; Сальвиа М., де. Прецеденты Европейского суда по правам человека. СПб., 2004. С. 275.

VII. ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

В правосудии обеспечивается государственно-властный характер и общеобязательность судебных решений, исполнение которых предполагает подавление воли (свободы) или материальные лишения одной из сторон с использованием в определенных случаях власти и силы государства.

Общеобязательность судебного решения является одним из его важнейших свойств, на что прямо указано в действующем процессуальном законодательстве (ст. 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 16 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 16 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 392 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Это выражается в следующем:

– с судебным решением, которым разрешен вопрос о конкретных правах и обязанностях, должны считаться не только субъекты материального правоотношения, по поводу которого такое решение принято, но и все иные лица, которых в той или иной мере может коснуться постановленное судом решение;

– никто не вправе оспаривать законность судебного решения и ставить его под сомнение, пока оно не будет пересмотрено в установленном законом порядке;

– несудебные органы, наделенные юрисдикционными полномочиями, не вправе отменять судебные решения; кроме того, они не могут рассматривать и разрешать правовые конфликты, которые уже являлись предметом судебного рассмотрения;

– юридические факты и правоотношения, установленные вступившим в законную силу судебным решением, являются обязательными для несудебных органов, наделенных юрисдикционными полномочиями, и других судов, рассматривающих дела с участием тех же субъектов.

Обеспеченность судебных решений мерами государственного принуждения весьма специфична, поскольку своими силами и средствами суд не может реализовать ни одну из мер принуждения, которые он провозглашает в своих судебных актах, применяя наказание к преступнику или к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Равным образом суд не может самостоятельно обеспечить восстановление права, которое он признает нарушенным, в том числе его принудительную защиту. И в одном, и в другом случае необходимы ресурсы, усилия и действия исполнительной власти (институт судебных приставов и пр.). Таким образом, суд, хотя и наделен правом применять принуждение от властного признания юридического факта или констатации нарушения права до применения наказания, но имеет весьма ограниченные возможности реального воздействия на правонарушителя или иное лицо, нарушившее право, поскольку выполнение его предписаний находится в сфере действия органов исполнительной власти.

VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произошедшие с начала современной судебной реформы объективные изменения деятельности суда требуют существенного изменения понимания правосудия. Нет сомнений, что наиболее важным и перспективным для формирующейся российской государственности является рассмотрение правосудия в качестве одной из характеристик судебной власти, которой оно органически присуще, либо как связанного с ней явления. В этом смысле правосудие представляет собой государственную деятельность, в рамках которой реализуется судебная власть. Соответственно, судебная власть представляет собой существенное выражение функциональной направленности и компетенционной определенности правосудия.

Вместе с тем выяснение вопроса о соотношении правосудия с судебной властью высвечивает лишь отдельные грани этого правового явления. Поэтому приверженцы различных научных концепций постепенно приходят к идее о необходимости единого понимания правосудия и его признаков, раскрывающего его, с одной стороны, как функцию судебной власти, а с другой — как вид государственной деятельности, в рамках которой судебная власть собственно и реализуется.

В связи с этим основной, как нам видится в данном случае, вопрос состоит в необходимости четкого понимания того, что в действительности представляет собой правосудие как разновидность государственной деятельности, и какими характеризующими признаками оно обладает.

Обращение к интегративному анализу понятия «правосудие», рассмотрение его аксиологической имманентной сущности дает достаточные, на наш взгляд, основания для определения данной правовой категории как особого вида государственной деятельности, осуществляемого судами и судьями путем рассмотрения и разрешения в специальной процессуальной форме отнесенных к их компетенции правовых конфликтов и принятия общеобязательных решений, обеспеченных мерами государственного принуждения, в целях восстановления и защиты нарушенных законных интересов и прав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Argunov, V.V. (2017) Kakim bit osobomy proizvodstvu po administrativnim delam: k proekty izmenenii v KAS RF [How to be a special procedure in the administrative court: the draft amendments to the CAJ RF]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosydia Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of economic justice of the Russian Federation]. (3), 62–75. (in Russian).
- Аргунов В.В.* Каким быть особому производству по административным делам: к проекту изменений в КАС РФ // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 3. С. 62–75.
- Bonner, A.T. (2005) *Izbrannie trudi po grazhdanskomu processu* [Selected works on civil procedure]. Saint-Petersburg, SPbGU, pp. 992. (in Russian).

- Боннер А.Т.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. 992 с.
- Cappelletti M., Vigoriti V. (514) Fundamental Guarantees of the Litigants in Civil Procedure: Italy // Fundamental Guarantees of the Parties in Civil Litigation (Studies in National, International and Comparative Law) / ed. By M. Cappelletti, D. Tallon. Milano — Dott. A. Giuffrè Editore. Dobbs Ferry, New York — Oceana Publications, Inc. P. 514. (in French).
- Chepurnova, N.M. (1999) Sudebnaia vlast v Rossiiskoi Federatsii: problemi teorii i gosudarstvenno-pravovoi praktiki [Judicial power in the Russian Federation: problems of theory and state legal practice]. Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Rostov state university. (in Russian).
- Чепурнова Н. М.* Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики: дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
- Degtiarev, S.L. (2008) Realizatsia sudebnoi vlasti v grazhdanskom sudoproizvodstve (teoretiko-prikladnie problemi) [Implementation of judicial power in civil proceedings (theoretical and applied problems)]. Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Ural state law academy. (in Russian).
- Дегтярев С.Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
- Fokina, M.A. (2006) Sistema celei dokazivania v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: obshchie polozhenia [System of the purposes of proof in civil and arbitration proceeding: general provisions]. Arbitrazhnyi i grazhdanskii process [Arbitration and civil proceeding]. (4), pp. 25–36. (in Russian).
- Фокина М.А.* Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе: общие положения // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 4. С. 25–36.
- Fursov, D.A. (2005) Spravedlivost kak fundamentalnaia cennost arbitrazhnogo i grazhdanskogo processa [Justice as a fundamental value of arbitration and civil proceeding]. Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa [Russian Yearbook of the civil and arbitration proceeding]. (4), pp. 50–59. (in Russian).
- Фурсов Д.А.* Справедливость как фундаментальная ценность арбитражного и гражданского процесса // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. № 4. С. 50–59.
- Galuzin, A.F. (1996) Pravonarushenie v publichnom i chastnom prave [Offence in public and private law]. Author's Abstract of Dissertation of PhD in law. Saratov state economic academy. (in Russian).
- Галузин А.Ф.* Правонарушение в публичном и частном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1996.
- Grevtsov, Y.I. (2001) Sotsiologia prava [Sociology of law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii centr Press, pp. 312. (in Russian).
- Грецов Ю.И.* Социология права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 312 с.
- Gromoshina, N.A. (2010) Differentsiatsia i unifikatsia v grazhdanskom sudoproizvodstve [Differentiation and unification in civil proceedings]. Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Moscow state law academy named after O. E. Kutafin. (in Russian).
- Громошина Н.А.* Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2010.
- Hudoikina, T.V. (2002) Yuridicheskii konflikt (teoretiko-prikladnoe issledovanie) [Legal conflict (theoretical and applied research)]. Author's Abstract of Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Nizhny Novgorod academy of MIA of Russia. (in Russian).
- Худойкина Т.В.* Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.

- Iacelenko, B.N. (1996) *Protivorechia ugovovno-processualnogo regulirovania* [Contradictions of the criminal procedure regulation]. Moscow, MYI MVD. (in Russian).
Яцеленко Б.Н. Противоречия уголовно-процессуального регулирования. М.: Издательство МЮИ МВД, 1996.
- Kleandrov, M.I. (2006) *Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoiashchee, budushee* [Economic justice in Russia: past, present, future]. Moscow, Volters Kluver, pp. 600. (in Russian).
Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 600 с.
- Kosolapov, M.F. (2001) *Sud v sisteme gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii (konstitutsionnie aspekti)* [Court in the system of state power of the Russian Federation (constitutional aspects)]. Author's Abstract of Dissertation of PhD in law. Saratov state academy of law. (in Russian).
Косолапов М.Ф. Суд в системе государственной власти Российской Федерации (конституционные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
- Kudriavtsev, V.N. (ed.) (1995) *Yuridicheskaiia konfliktologiiia* [Legal conflictology]. Moscow. IGiP RAN. (in Russian).
Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Издательство ИГиП РАН, 1995.
- Kudriavtsev, V.N. (1997) *Yuridicheskaiia konfliktologiiia* [Legal conflictology]. *Vestnik RAN* [Herald of the RAS]. 67 (2), pp. 125–129. (in Russian).
Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 2. С. 125–129.
- Lebedev, V.M., Habrieva, T.I. (ed) (2017) *Justice in the modern world*. Moscow, Norma, Infra-M. (in Russian).
Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2017.
- Luparev, E.B. (2003) *Obschaia teoriia administrativno-pravovovo spora* [General theory of administrative legal dispute]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennii universitet. (in Russian).
Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003.
- Morschakova, T.G. (ed.) (2012) *Standarti spravedlivogo pravosudia (mezhdunarodnie i natsionalnie praktiki)* [Standards of fair justice (international and national practices)]. Moscow, Misl. (in Russian).
Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.
- Nazhimov, V.P. (1970) *Sud kak organ pravosudia po ugovovnim delam v SSSR* [The court as body of justice in criminal cases in the USSR]. *Voprosi organizatsii suda i osuschestvleniia pravosudia v SSSR* [Issues of court organization and administration of justice in the USSR]. Kaliningrad, Knizshnoe izdatelstvo, 1, pp. 3–161. (in Russian).
Нажимов В.П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград: Книжное издательство, 1970. Т. 1. С. 3–161.
- Oppetit B. (1973) *Les Garanties Fondamentales des Parties dans le Proces Civil en Droit Francais* // *Fundamental Guarantees of the Parties in Civil Litigation (Studies in National, International and Comparative Law)*/ Op. cit, p. 483. (in French).
- Petruhin, I. L. (ed.) (2003) *Sudebnaia vlast* [Judiciary]. Moscow, TK Velbi. (in Russian).
Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М.: ТК Велби, 2003.

- Presniakov, M.V. (2008) Printsip spravedlivosti v resheniiakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [The principle of justice in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. (6), pp. 48–55. (in Russian).
Пресняков М.В. Принцип справедливости в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // *Правоведение*. 2008. № 6. С. 48–55.
- Rabtsevich, O.I. (2005) Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe regulirovanie [Right to a fair trial: international and domestic legal regulation]. Moscow, Leks-Kniga, pp. 318. (in Russian).
Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. 318 с.
- Riabtseva, E.V. (2008) Pravosudie v ugovolnom processe Rossii [Justice in the criminal process of Russia]. Moscow, Yurlitinform, pp. 416. (in Russian).
Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2008. 416 с.
- Sahnova, T.V. (2008) Kurs grazhdanskogo processa: teoreticheskie nachala i osnovnie instituti [Civil procedure course: theoretical foundations and basic institutions]. Moscow, Volters Kluver, pp. 676. (in Russian).
Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. 676 с.
- Serkov, P.P. (2018) K voprosu o funkcionalnosti pravosudiia [On the question of the functionality of justice]. *Jurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law]. (3), 97–105. (in Russian).
Серков П.П. К вопросу о функциональности правосудия // *Журнал российского права*. 2018. № 3. С. 97–105.
- Starilov, Y.N. (2004) Public administration. In: Bachrach, D.N., Rossinskii, B.V., Starilov, Y.N. (eds.) *Administrativnoe pravo: Uchebnik* [Administrative law: Textbook]. Moscow, Norma, pp. 928. (in Russian).
Старилов Ю.Н. Государственное управление. Гл. в книге: Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. *Административное право: Учебник*. М.: Норма, 2004. 928 с.
- Tihomirov, Y.A. (2005) *Administrativnoe pravo i process: polnii kurs* [Administrative law and process: full course]. Moscow, VSE, pp. 698. (in Russian).
Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: Полный курс. М.: Высшая школа экономики, 2005. 698 с.
- Treushnikov, M.K. (ed.) (2014) *Grazhdanskii process: uchebnik* [Civil procedure: Textbook]. Moscow, Statut, pp. 960. (in Russian).
Гражданский процесс: Учебник / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014. 960 с.
- Voronov, A.F. (2007) *Grazhdanskii process: evolucia dispozitivnosti* [Civil procedure: evolution of dispositivity]. Moscow, Statut, pp. 149. (in Russian).
Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с.
- Voskobitova, L.A. (2004) *Mehanizm realizatsii sudebnoi vlasti posredstvom ugovolnogo sudoproizvodstva* [The implementation mechanism of the judiciary through the criminal justice]. Author's Abstract of Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Moscow state law academy. (in Russian).
Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2004.
- Zelentsov, A.B. (2001) *Konflikti v upravlenii i upravlenie konfliktami* [Conflicts in management and conflict management]. Moscow, RUDN, pp. 543. (in Russian).
Зеленцов А.Б. Конфликты в управлении и управление конфликтами. М.: Издательство РУДН, 2001. 543 с.

Zelentsov, A.B. (2004) *Yridicheskaja konstruktisia administrativno-pravovovo spora (problemi postroeniia)* [Legal structure of administrative legal dispute (problems of constructing)]. *Administrativnoe i administrativno-processualnoe pravo. Actualnie problemi* [Administrative and administrative procedure law. Actual problems]. Moscow, Uniti-Dana. Pp. 424–442. (in Russian).

Зеленцов А.Б. Юридическая конструкция административно-правового спора (проблемы построения) // *Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы*. М.: Юнити-Дана, 2004. С. 424–442.

Zelentsov, A.B. (2005) *Teoreticheskie osnovi pravovovo spora* [The theoretical basics of the legal dispute]. Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Peoples' friendship University of Russia. (in Russian).

Зеленцов А.Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2005.

Сведения об авторе:

Панкова Ольга Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ORCID: 0000-0002-8183-4802

Контактная информация:

e-mail: pancova_olga@list.ru

Для цитирования:

Панкова О.В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-527-546.

JUSTICE IN MODERN RUSSIA: THE CONCEPT AND FEATURES

Olga V. Pankova

O.E. Kutafin University

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 123242

The article reveals the essential characteristics of justice as a specific type of state activity; identifies the main features of justice that distinguish it, on the one hand, from other types of state activity, and on the other — from other types of judicial activity.

The purpose of this article is to identify and analyze the features of justice in its modern sense. The versatility of this legal category as an ambivalent definition is reflected in its various characteristics, through the consideration of which the most general definition of justice is formulated in the work.

The methodological basis of the article is the modern achievements of the theory of knowledge. In the course of research theoretical, General philosophical (dialectics, system method, analysis, synthesis, deduction), traditional legal methods (formal-logical) were applied.

Turning to the question of the characteristics of justice, the author touches upon the problem of its broad and narrow understanding due to the increasing role of mediation, conciliation and arbitration as alternative forms of resolution of legal conflicts, as well as in connection with the empowerment of

certain state bodies of jurisdictional powers, and concludes that, unlike a number of foreign countries, justice in Russia can be carried out only by state courts.

Of considerable interest is also the study of the subject area of justice, which is related to the situation of legal conflict. In this context, the author's analysis of the concept of "legal conflict" and his proposed differentiation of such conflicts into types with subsequent consideration of each of them is quite legitimate.

In the context of the formation of the new Russian statehood, the arbitration sign of justice acquired a different sound, which is considered in the work from the standpoint of the special jurisdictional procedural activity of the court and the situational nature of justice.

Since the beginning of the modern judicial reform, objective changes in the activities of the courts associated with the emergence of simplified and writ proceedings that have simplified the procedure for the consideration and resolution of certain categories of administrative and civil cases, as well as the allocation of jurisdictional powers to other state bodies that are not part of the judiciary, but use quasi-judicial procedures, i.e. almost judicial procedures as close as possible to them, have significantly changed the attitude to the procedural form of justice, which has lost its former importance. In this regard, the author substantiates the point of view that nowadays in order to determine the qualitative nature of the jurisdictional bodies, it is necessary to identify, in particular, the distinctive features in each of the procedural forms.

Revealing in more detail the content of methods and means of justice, the author touches upon the problem of correlation of this legal category with justice and on the basis of the analysis of different points of view comes to the conclusion that these concepts can not be considered as legal phenomena that coincide in whole or in part. Justice is rather an intrinsic property of justice, contributing to its perception as a social and legal value.

As one of the most important signs of justice in the work is considered the state-power nature and reliability of judicial decisions, the execution of which involves the suppression of the will (freedom) or material deprivation of one of the parties with the use in certain cases of power and force of the state. In this regard, some attention is paid to the characterization of the binding nature of the judgment as one of its essential properties.

Examining justice as categories which help to reveal the contents and legal merits of this form of state activity, in the definition of the given concept into a single, unified definition.

Keywords: tax system of the Russian Federation; system of taxes and fees of the Russian Federation; taxes and fees; regional and local taxes and fees; resort collecting; payment for use of resort infrastructure

Information about the author:

Olga V. Pankova — candidate of law Sciences, associate Professor, Department of administrative law and process, O.E. Kutafin University

ORCID: 0000-0002-8183-4802

Contact information:

e-mail: pancova_olga@list.ru

For citation:

Pankova, O.V. (2018). Justice in modern russia: the concept and features. RUDN Journal of Law, 22 (4), pp. 527–546. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-527-546.